

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ/SOCIOLOGY OF CULTURE

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.92>

«УЛОВКИ» ЛИТЕРАТУРНОГО ПРЕМИРОВАНИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНКУРСОВ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Научная статья

Вологина Е.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-0977-5991;

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (vokal[at]list.ru)

Аннотация

Настоящая работа посвящена социально-правовому анализу природы, причинам и способам фальсификации литературных конкурсов. Несмотря на то, что на формально-правовом уровне специфика организации общественных отношений имеет жесткую детерминацию, однако имеющийся социальный порядок не лишен некоторых структурных особенностей, который позволяет на имплицитном уровне игнорировать требования нормативных правовых актов, выдавая такого рода социальные практики, как за легитимные. Автор приходит к тому, что такого рода деструктивные социальные акты нередко возникают в силу злоупотребления видами символического капитала, концепция которого разработана французским мыслителем Пьером Бурдье. Таким образом, в случаях спекуляции на литературных конкурсах в действительности имеют место быть феномены наслаждения одного вида капитала на другой. Иными словами, законодательная основа выступает средством объективизации проводимого конкурса, однако преследует более низменные цели, например, для наделения определенным статусом заранее избранного конкурсанта, в то время как остальные конкурсанты подкупаются престижностью проводимого мероприятия. Далее в исследовании представляются возможные «уловки», которые используются недобросовестными организаторами для получения продуктов интеллектуального труда авторов литературных произведений и (или) имитации проводимого соревнования.

Ключевые слова: литературные премии, литературные конкурсы, символическая власть, социально-правовой анализ, Пьер Бурдье, социум, современное российское общество.

THE ‘TRICKS’ OF LITERARY PRIZES AND COMPETITIONS: A SOCIO-LEGAL ANALYSIS

Research article

Вологина Е.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-0977-5991;

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author (vokal[at]list.ru)

Abstract

This work is dedicated to the socio-legal analysis of the nature, causes and ways of falsification of literary contests. Despite the fact that at the formal-legal level the specifics of the organisation of social relations have a rigid determination, however, the existing social order is not devoid of some structural features that allow to ignore the requirements of normative legal acts at the implicit level, passing off this kind of social practices as legitimate. The author concludes that such destructive social acts often arise due to the abuse of types of symbolic capital, the concept of which was developed by the French thinker Pierre Bourdieu. Thus, in cases of speculation on literary contests, there are indeed phenomena of layering of one kind of capital on another. In other words, the legislative framework acts as a means of objectifying the competition, but it pursues more base goals, for example, to confer a certain status on a pre-selected contestant, while the other contestants are bribed by the prestige of the event. The study further presents possible ‘tricks’ that are used by unscrupulous organisers to obtain products of intellectual labour of authors of literary works and (or) to imitate the competition being held.

Keywords: literary prizes, literary contests, symbolic power, socio-legal analysis, Pierre Bourdieu, society, contemporary Russian society.

Введение

Проблема диалектики сущего и должного не является принципиально новой. Довольно часто можно иметь дело с тем, как то или иное социальное явление должно быть воплощено в жизнь, и тем, как оно в действительности реализуется в практической деятельности [10]. Неудивительно, что если речь идет про диалектическую категорию, то нетрудно предположить, что она может иметь перманентный характер, однако формы ее презентации могут быть различны. Так, например, крайне часто возникают некоторые противоречия в реализации требований положений нормативных-правовых актов, задача которых регламентировать и упорядочить деятельность людей в социуме, то есть из простых социальных отношений сделать правоотношения, установив обязанности, ограничения и запреты для индивидов, а также делегировав им определенные права. Литературные конкурсы и премии играют важную роль в продвижении авторов и поддержке литературы. Однако в последние годы в научной и экспертной среде отмечается обеспокоенность случаями мошенничества и коррупции при проведении таких конкурсов [16]. Даже самые престижные награды не застрахованы от скандалов: например, вручение Нобелевской премии по литературе в 2018 году было отменено из-за громкого скандала, включавшего обвинения в сексуальных домогательствах и утечке

информации о лауреатах для получения выгоды [15]. Это событие подчеркнуло уязвимость процедур отбора к конфликту интересов и нечестному поведению. В связи с этим актуализировались исследования, направленные на выявление мошеннических схем в литературных конкурсах, анализ правовых основ их организации и разработку механизмов противодействия коррупции [15].

На данный момент стоит констатировать, что представленность в отечественном научном дискурсе публикаций, посвященных исследованию уловок, нарушений и мошеннических схем в сфере литературного премирования в первую очередь опирается на опыт правовых исследований. Наиболее часто упоминается проблема авторского права и различных вариантов его нарушения. Среди прочих, стоит отметить таких авторов как Н. В. Свечникова, А. В. Гурко, О. А. Костян [11]. Вместе с тем несмотря на то, что масштабы недобросовестной деятельности в сфере литературного премирования давно вывели проблему на социальный уровень, в отечественной социологии отсутствуют исследования, в которых бы была представлена полноценная постановка проблемы, или обзор проблемных аспектов. В этой связи в качестве опорной базы мы использовали зарубежные публикации (в основном, представленные на специализированных электронных ресурсах). Среди прочих был ценным опыт обращения к таким ресурсам как: republicworld.com, winningwriters.com, а также сайт College Art Association (CAA), где указываются ключевые механизмы, рекомендуемые в современных исследованиях и практических руководствах [14]. В частности, указывается, что крупные жюри вынуждены действовать на основе консенсуса, что обычно отсекает самые предвзятые или экстремальные варианты. На практике престижные премии (Пулитцеровская, National Book Award и др.) имеют несколько стадий: сначала отбор экспертов-«отборщиков», затем голосование жюри из нескольких человек, а иногда и финальное утверждение отдельным комитетом. Такая многоступенчатая модель затрудняет осуществление коррупционного сговора, поскольку требует привлечения большого числа людей на разных этапах. Дополнительно в некоторых конкурсах члены жюри остаются анонимными до объявления итогов (как, например, в премии Макартура), что сделано, чтобы исключить давление на них извне. Разумеется, ключевое значение имеет независимость судей: их репутация, отсутствие прямой подотчетности спонсорам конкурса или заинтересованным группам. В целом, скучность научных исследований в данной области является актуализирующим фактором для настоящей публикации.

Методы и принципы исследования

Рассуждая в русле контраста социальной реальности и правовой сферы, можно, например, обратить внимание на требования статьи 19 Конституции РФ [5], где закреплен принцип равенства, раскрывающийся в трех основных аспектах:

- 1) равенство всех перед законом и судом;
- 2) равенство всех «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [5];
- 3) равенство мужчины и женщины в объеме прав и возможности их реализации.

Де-юре, исходя из требований рассмотренной статьи конституции, можно сделать вывод о том, что в современном российском обществе не существует и не может существовать некой социальной стратификации, так как все возможные слои населения уравниваются посредством действия требований основного закона страны. Во многом такой правовой «пандетерминизм» обусловлен тем, что согласно части 2 статьи 15 Конституции РФ «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» [5]. Таким образом, получается, что если попытаться отойти от требований федерального законодательства, то придется нести ответственность за свои противозаконные действия.

Однако есть основания полагать, что сама Конституция РФ допускает некие отступления из правил. Например, обратившись к статье 91 Конституции РФ, можно убедиться в том, что «Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью» [5].

Безусловно, Президент РФ стоит особняком в социальной иерархии. Более того сложно представить себе иную социально-правовую реальность, поскольку в государстве обязательно должно быть такое должное лицо, которое может организовать деятельность всей страны и обеспечить принцип социального государства для различных слоев населения, чего требуют, в частности, положения статьи 7 Конституции РФ. Однако в этой связи стоит обратить внимание на несколько важных аспектов. Во-первых, неприкосновенность не равна произволу. Во-вторых, как бы ни было, но наделение неприкосновенностью, хотя и не исключает возможность привлечения лица к ответственности [5] с позиции социальной стратификации все-таки ставит данное лицо на ступень выше относительно тех, которые не обладают ее. Нельзя не сказать о том, что особенности правового статуса Президента РФ не являются крайним исключением из правил. Так, сенаторы РФ и депутаты государственной думы, уполномоченный по правам человека и другие должностные лица также обладают неприкосновенностью [8], [9].

Основные результаты

Итак, на формально-правовом уровне существуют некоторый контраст действия требований положений Конституции РФ и федерального законодательства, который скорее не является существенным юридическим пробелом, однако указывает на то, что зачастую из правил, установленных федеральным законодательством, могут быть некоторые исключения, которые далеко не всегда противоречат принципам, составляющим основу правового статуса человека и гражданина.

Помимо этого, нельзя не обратить внимание на то, что формально-правовой способ детерминации правил организации социальной реальности полемизирует с тем, как и каким образом функционирует современное российское общество, что показывает стратификационный анализ [12]. Очевидно, что номинальное равенство не

может быть достигнуто в силу колоссальной разницы в объемах имеющегося капитала [2] у различных слоев российского общества.

По этому поводу Н.Е. Тихонова пишет: «Социальное неравенство в современной России – логическое следствие того, что на момент начала реформ 1990-х гг. у разных групп населения имелся неодинаковый объем ресурсов, во многом – накапливавшийся на протяжении поколений. В эпоху плановой экономики, когда эти ресурсы не могли работать как капитал, имевшиеся различия в ресурсообеспеченности сказывались на уровне жизни различных групп, но не могли привести к серьезной социальной дифференциации» [12].

Полагаем, что различие формально-правовых особенностей констрирования социума и того, как самоорганизуется и функционирует российское общество, имеет более тонкие грани. Одной из таких сфер социальной жизни, где наблюдаются проявления контраста требований действующих нормативных правовых актов и реальных особенностей проявления социальных паттернов, являются литературные конкурсы.

Общие положения проведения конкурсов регламентированы главой 57 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ). Статья 1060 ГК РФ, например, определяет особенности порядка использования литературных произведений, на законодательном уровне закрепляя, что «если предмет публичного конкурса составляет создание произведения науки, литературы или искусства и условиями конкурса не предусмотрено иное, лицо, объявившее публичный конкурс, приобретает преимущественное право на заключение с автором произведения, удостоенного обусловленной награды, договора об использовании произведения с выплатой ему за это соответствующего вознаграждения» [4].

Как отмечено выше, специфика организации проведения конкурсов детерминирована ГК РФ. Полагаем, что существуют такие социальные ситуации, которые не столько не соответствуют требованиям положений федерального законодательства, сколько возникают в личных интересах определенного круга лица, которые намериваются обойти требования гражданского законодательства, выдавая неформальные социальные практики в качестве должного. Иными словами, такие индивиды стремятся завуалировать паттерны поведения таким образом, чтобы они казались легитимными, то есть осуществляемыми в рамках правового поля. В действительности же при анализе таких социальных ситуаций можно столкнуться с фактами мошеннических действий, уголовная ответственность за которые предусмотрена статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [13]. На эксплицитном уровне такие «уловки» выступают в качестве как бы законного средства аккумулирования символического капитала, спекулирующего на гражданском законодательстве.

Раскрывая более подробно такого рода социальные паттерны поведения, целесообразно обратиться к исследованиям Пьера Бурдье, который отмечал, что язык юриспруденции выступает одной из форм реализации символической власти. Так, Бурдье пишет, что «процесс концентрации юридического капитала – объективированной и кодифицированной формы символического капитала – следует собственной логике, которая отлична от логики сосредоточения военного или финансового капитала» [2]. Юриспруденция, в целом, является не просто способом формирования государственности как таковой [2], но и формой символической власти делегируемой государством и от имени государства. Проще говоря, все что обладает нормотворческой инициативой одновременно обладает властью (публичной, государственной, муниципальной).

В свою очередь, опора на требования нормативных правовых актов не только легитимирует тот или иной социальный процесс, но и делает его более объективным, «честным». То есть если некий социальный акт будет произведен в рамках правового поля, то вряд ли он будет воспринять как нечто, что противоречит этическим принципам. Однако могут быть случаи, когда индивиды спекулируют на возможных пробелах в праве (например, езда по сплошной полосе без ее пересечения не запрещена правилами дорожного движения, чем иногда пользуются водители мотоциклов [6]).

Следовательно, если речь идет об организации литературного конкурса, то необходимо, чтобы он был проведен в соответствии с требованиями ГК РФ, иначе его результаты не могут быть признаны в качестве объективных.

Что касается практик литературного премирования, то не будет большим преувеличением отметить, что здесь имеют место быть несколько уровней организации символической власти или присутствует наложение одного уровня символической власти на другой, который увеличивает потенциал второго. То есть условный победитель литературного конкурса получает социально значимые преференции не благодаря тому, что он победил в конкурсе, который организован в соответствии с требованиями гражданского законодательства, а благодаря значимости литературной премии, которая получена или может быть получена на конкурсе, организованном в рамках правового поля. Например, лауреат нобелевской премии по литературе получает авторитет не благодаря тому, что он получил премию в соответствии со шведским законодательством, но потому, что получена такая престижная премия, которая вручена в соответствии с действующими требованиями законов. В противном случае можно было бы, например, признать лауреата не достойным премии не потому, что он ее не заслужил, а потому, что конкурс организован с нарушением существующих правил организации подобных конкурсов.

Другой стороной организации литературных конкурсов являются различного рода социальные спекуляции, о которых необходимо сказать несколько подробнее.

Во-первых, к таким «полумошенническим уловкам» относятся социальные акты, когда, например, назначается конкурс с номинальными участниками, но с одним реальным победителем, который заранее определен жюри. С одной стороны, не следует утверждать, что подобные случаи приемлемы исключительно для литературных конкурсов, с другой стороны, учитывая тот факт, что от полученной премии может зависеть будущее финансовое благополучие автора той или иной книги (что позволит заключать ему новые выгодные контракты с издательствами), именно это актуализирует такую деструктивную практику для «книжных» соревнований. Примечательно, что в этом случае могут воспроизводиться несколько моделей поведения:

- 1) коррупционная, то есть когда номинант заранее «подкупает» членов жюри конкурса;

2) фиктивно-договорная, то есть когда конкурс организуется и реализуется за счет будущего победителя и в его интересах.

И в первом и во втором случае остальные участники, несмотря на их творческий потенциал, участвуют в роли статистов.

Во-вторых, имеют место быть такие конкурсы, где в качестве аутентичной цели выступает аккумуляция текстов претендентов для создания будущего масштабного литературного произведения члена (членов) жюри. С одной стороны, это не самая удачная «ловушка», поскольку в таком случае организаторы могут получить различные тексты по стилю, уровню художественного мастерства, а также высока вероятность вариативности сюжета. С другой стороны, будущие авторы (или автор) такой книги может сослаться на доминирующий постмодернистский культурный дискурс и предложить, например, будущему издательству роман-антологию, который связан общим «сэттингом», однако слог, персонажи и сюжет могут в такой работе варьироваться от одной главы к другой. То есть, в основном, такой текст делает целостным наличие некого лейтмотива, проходящего сквозь все разделы книги, а гетерогенная фактура романа выдается в качестве новаторской «изюминки».

В-третьих, жюри конкурса может привлечь достаточно талантливую аудиторию для своего рода аprobации, то есть поиска будущих возможных авторов определенного издательства. В этой ситуации существует несколько особенностей. Первая заключается в том, что авторы, в действительности, не получают обещанный им гонорар, но могут его получить в дальнейшем, когда будут сотрудничать с издательством. Вторая особенность происходит из того, что текст книги, подготовленный автором специально для конкурса в соответствии с его требованиями, фактически используется в личных целях организаторов на безвозмездной основе. Таким образом, данная «ловушка» используется для привлечения и дальнейшей эксплуатации оригинального литературного «материала» в нарушение авторских прав без предоставления автору произведения обещанной награды.

В-четвертых, возможна спекуляция членов жюри на определенной франшизе и имеющейся у нее группы фанатов. Например, организаторы объявляют конкурс так называемых «фанфиков», то есть авторам работ предлагается придумать дополнительные сюжеты к уже изданному произведению, которое успело приобрести популярность, либо придумать тексты, которые по своей структуре будут выступать в качестве итерации популярного текста. В конечном же итоге такого рода работы могут быть взяты в основу для будущего продолжения книги или ее части автором оригинального текста, а автор идеи или «фанфика» останется ни с чем.

В-пятых, в качестве основы для проведения литературного конкурса может выступать конфликт интересов. Сам по себе такого рода конфликт на формально-правовом уровне имеет статус недопустимого социального явления, особенно для государственных учреждений [1]. Тем не менее премирование «приближенного» лица в том случае, если ключевой организатор литературного конкурса заинтересован в этом, существенно искажает смысл и цель проводимого мероприятия. Данный пример в очередной раз свидетельствует о том, что искусственность официального «ивента», организованного в целях выявления наиболее талантливого литератора, превращается в симулякр [1], служащий интересам конкретного лица или лиц (в определенном исходе может быть заинтересована группа индивидов, участвующая в обеспечении конкурса, а кроме того от этого в материальном и социальном плане выигрывает как и организатор, который желает, чтобы одержало победу конкретное лицо, так и тот, кто за счет конфликта интересов получает литературную премию (пусть даже на символическом уровне, если учитывать, что полученные материальные блага будут использованы в пользу организатора)).

В-шестых, одним из популярных инструментов, которым пользуются в случае фальсификации законности проводимого литературного конкурса, является недобросовестное лицензирование. То есть когда организаторы прямо указывают на то, какая работа должна быть положительно оценена, независимо от ее реального содержания. Эта «схема» работает наиболее удачно на такого рода конкурсах по той причине, что оценка художественного произведения всегда субъективна, несмотря на то, что существуют конкретные критерии, определяющие качество литературного текста, которые позволяют отличить, например, посредственный роман от неплохого. В силу чего на языке рецензентов появляются такие категории, как «объективное рецензирование» и «необъективное рецензирование». То есть человек, которому предстоит оценить работу понимает, что представление о тексте можно показать в практически любом ракурсе, а он, в свою очередь, за счет «правильной» оценки может получить некоторые преференции от организаторов (чаще всего речь идет о материальных ценностях). При этом на формально-правовом уровне такого рода необъективные оценки работ представляются максимально рафинированными по двум причинам: во-первых, зачастую организаторы апеллируют к авторитету рецензентов, в оценки которых вроде бы невозможно сомневаться; во-вторых, рецензии являются документами внутреннего оборота, поэтому нюансы, которые могут быть связаны с качеством художественного текста, представленного на конкурс, не публикуются для широкой аудитории.

В-седьмых, нельзя оставить без внимания случаи подтасовки результатов голосования членов жюри. Как и в случае с рецензиями, такие факты имеют высокий уровень латентности, несмотря на то, что результаты голосования подлежат чаще всего официальному опубликованию, однако как и почему тот или иной член жюри принял решения в пользу конкретного конкурса далеко не всегда ясно, несмотря на то, что в регламенте проводимого конкурса описываются четкие критерии оценки работ (в этом случае жюри вспоминает про постулат Протагора: «как кому кажется, так оно и есть»). Однако в этой связи следует помнить о том, что официальные мероприятия вроде литературных конкурсов априори не терпят релятивистской концепции истины, что подтверждается требованиями положений ГК РФ.

В-восьмых, определенные сомнения в объективности проводимых мероприятий вызывают в случае платы за участие в конкурсе. С одной стороны, очевидно, что таким образом организаторы стараются компенсировать часть убытков, с другой стороны, если речь идет о достаточно больших денежных суммах, то возникает вопрос, касающийся цели организованного мероприятия: это конкурс или сбор средств? Некоторым потенциальным конкурсантам такого рода организационные взносы считаются приемлемы, поскольку часть участников изначально не рассчитывала на

победу. Иными словами, эти люди инвестируют в свое будущее портфолио, поскольку в таком случае они получают возможность говорить о том, что они были участниками престижного литературного конкурса, что иногда может быть подкреплено сертификатом участника. Весьма неоднозначная инвестиция, однако и она может быть тем аргументом, который позволит заключить выгодный для автора договор с издательством. Обратной стороной таких конкурсов может быть сомнительная репутация. То есть конкурсант вносит некую сумму денежных средств в качестве организационного взноса за участие в литературном конкурсе, намереваясь получить статус участника авторитетного мероприятия, однако сторонние литераторы, знающие специфику данного конкурса, могут критически отнестись к участникам такого рода мероприятий, поскольку они понимают, что данные конкурсы не имеют никакого отношения к литературе. Следовательно, если в дальнейшем литератор планирует сотрудничать с крупными изданиями, то такие конкурсы не для него, поскольку, скорее всего, издатели понимают, о каком именно конкурсе идет речь.

Указанные спекуляции с литературными конкурсами не являются исчерпывающими, однако на уровне дискурсивных практик имеют высокую частотность проявления в современном социуме.

В результате аналитической классификации уловок в сфере литературного премирования приходим к следующему. Существует несколько категорий: псевдоконкурсы, фаворитизм в конкурсах, мошенничество с правами на произведения, коррупция и говор. Псевдоконкурсы маскируются под официальные литературные конкурсы, но их основная цель – извлечение финансовой выгоды от участников. Примером могут служить конкурсы, где организаторы требуют оплату за участие в якобы престижных наградах, при этом не имея намерения оценивать работы объективно. Обычно такие конкурсы приводят к ситуации, когда авторы, особенно начинающие, платят за право участвовать, но не получают ничего взамен, кроме сертификатов, которые не имеют никакого значения в профессиональной среде. Пример таких мероприятий часто можно найти на ресурсах, связанных с литературой, где обсуждаются подозрительные конкурсы, такие как «Фантастика года» или «Лучшая книга месяца», которые нередко околовременно скрывают свои истинные цели. Фаворитизм в конкурсах является из распространённых проблем в честности литературных премий является фаворитизм членов жюри. Это может проявляться в предпочтении определённых авторов, поддерживаемых членами жюри на основе личных связей, а не объективных критериев. В ряде случаев наблюдается явная симпатия к автору на основе личных предпочтений, например, предпочтение книг определённых политических, социальных или культурных направлений, что искает результаты. Члены жюри могут быть знакомы с номинантами или даже работать с ними, что даёт преимущество этим авторам. В некоторых случаях жюри уже заранее принимает решение о победителе, даже не проверяя работы остальных участников, что также является нарушением норм объективности.

Мошенничество с правами на произведения также является распространенным фактом. Иногда организаторы премий и конкурсов используют свои положения для того, чтобы получить права на публикацию произведений победителей, даже если те не были выбраны в качестве победителей. Существует практика, когда конкурсы требуют от участников заключения контракта с обязательной передачей всех прав на произведение за минимальные суммы или вовсе без выплаты. Таким образом, организаторы не только извлекают деньги, но и обманывают авторов, присваивая себе интеллектуальные права. Наконец, коррупция и говор – это один из наиболее сложных и скрытых типов мошенничества. Исследования показывают, что жюри могут быть подкуплены для принятия решения в пользу определённых участников, что нарушает принципы честности. Примеры включают случаи, когда члены жюри получают взятки от организаторов или спонсоров премий для того, чтобы заранее определить победителей [16]. В таких случаях не только морально нарушается процесс выбора, но и фактически происходит нарушение закона, так как это подпадает под определения мошенничества и коррупции, предусмотренные уголовным законодательством.

Существуют псевдолитературные конкурсы, главная цель которых – не отбор лучших произведений, а извлечение выгоды из самих авторов. Эксперты отмечают, что типичная цель такого «конкурса» – получить деньги от доверчивых писателей вместо того, чтобы честно выявлять талант [17]. Распространена схема, когда организаторы обещают крупные призы или публикацию, но затем требуют от финалистов оплатить издание своих работ (например, купить дорогой сборник, где будет напечатано их произведение). Подобные мероприятия часто маскируются под престижные конкурсы, используя похожие названия, хотя на деле не имеют авторитета. Ниже перечислены признаки сомнительного литературного конкурса, на которые указывает современная экспертная литература.

1. Навязывание платных услуг. Организаторы пытаются заработать на участниках: могут сразу присваивать себе права на присланные тексты или предлагать купить антологию с «выигравшим» произведением. Нередко участие объявляется бесплатным, зато победителю предлагают платную публикацию или платный визит на церемонию.

2. Непрозрачность и анонимность организаторов. Трудно найти информацию о жюри и учредителях конкурса; запросы в адрес оргкомитета остаются без чётких ответов. Также отсутствие списка прошлых победителей или неизвестность их работ затрудняет оценить репутацию конкурса.

3. Имитирование известных премий. Название мероприятияозвучно с известной премией или конкурсом, отличаясь лишь деталями. Это делается, чтобы ввести авторов в заблуждение.

Столкнувшись с подобными признаками, писателю рекомендуется проявить осторожность. В последние годы профессиональные сообщества предпринимают шаги для информирования авторов о мошенниках. Так, организации писателей и литературные порталы создают списки проверенных конкурсов и предупреждают о подозрительных случаях. Литература последних лет фиксирует существование целой индустрии псевдоконкурсов, и одновременно формируются рекомендации, как отличить их от легитимных конкурсов.

Помимо откровенно мошеннических схем, исследования указывают на проблему субъективизма и возможного фаворитизма при присуждении уважаемых литературных наград. Неформальные обзоры литературной жизни отмечают случаи, когда состав жюри фактически превращается в закрытый клуб, поддерживающий «своих» авторов. Писатели нередко в кулуарах сетуют на «непотизм премий», когда лауреатами становятся близкие друзья или ученики членов жюри. Пример из поэтической сферы: почти все участники одной известной поэтической группы получили

стипендию Ruth Lilly Fellowship в течение нескольких лет, что породило вопросы о внутренней договорённости [16]. Хотя подобные обвинения часто трудно доказуемы, их регулярное появление в литературных кругах привлекает внимание исследователей.

С точки зрения социологии есть смысл эмпирически оценить наличие подобной предвзятости. Любопытно, что даже исторические данные подтверждают роль связей: количественный анализ конкурсов живописи XIX века, опубликованный в 2023 г., выявил статистически значимое влияние *протекции* – если у художника-награда получателя его наставник входил в состав жюри, шанс получения медали заметно возрастал. Это свидетельствует, что феномен кумовства в конкурсах имеет глубокие корни. (В том же исследовании, впрочем, отмечено еще более систематическое ущемление по гендерному признаку – женщины получали награды существенно реже, при прочих равных, что указывает на комплексность проблемы). Современные исследования подтверждают: субъективные факторы (личные связи, предубеждения) могут влиять на исход литературных и иных творческих конкурсов, ставя под вопрос их объективность. От громких скандалов (как упомянутый кризис в Шведской академии) до скрытых форм «взаимного восхваления» – все это подпадает под понятие коррупционных проявлений в сфере литературных наград.

Обсуждение

Существуют уловки, а вернее приемы или методы, не выходящие за рамки дозволенного в социально-правовом контексте, но также активно используемые в сфере достижения прагматически маркированного успеха в мире литературы. Например, существует метод создания культурной продукции, указывающей на определенное произведение. Следует отметить, что речь идет о формировании мемов, содержащих в себе емкие, запоминающиеся цитаты из книги с указанием на ее название. Данный подход относится к числу чрезвычайно трудоемких и сложных, поскольку предполагает либо поиск наиболее удачных отрывков, которые имеют ценность даже будучи вырванными из контекста, либо – изначальное закладывание в текст подобного рода информационных единиц. Оценивая специфику данного метода следует отметить, что он, с одной стороны, обладает существенным потенциалом привлечения аудитории, с другой – не дает никаких гарантий автору, поскольку распространение мемов (или отсутствие пользовательской активности, связанной с их размещением) практически невозможно предугадать заранее.

Рассматривая метод представления своего литературного произведения сообществу тематической литературной группы в социальных сетях, следует отметить, что данный метод имеет существенный потенциал формирования аудитории, однако, как и прочие рассмотренные методы, обладает определенными ограничениями. Несмотря на то, что число людей, входящих в конкретные тематические группы в социальных сетях, может исчисляться тысячами, далеко не все из них активно просматривают новые публикации в группе, а среди тех, кто их просматривает, далеко не всех может заинтересовать оставленное автором сообщение.

Важным аспектом формирования аудитории является то, насколько тематическая и жанровая направленность произведения соответствует вкусовым предпочтениям членов общества. В данном отношении следует отметить, что существуют жанры, характеризующиеся высоким уровнем востребованности в читательской среде, и, в свою очередь, имеют место направления творческой деятельности, характеризующиеся сравнительно невысоким уровнем востребованности. Это определяет то, что писатели, пишущие в разных жанрах, изначально находятся в неравнозначных условиях в силу того, что их целевая аудитория имеет различные численные показатели. Соответственно, качественное произведение, написанное в непопулярном жанре, может при прочих равных сбить значительно меньшую аудиторию, нежели среднее по литературным качествам произведение, которое написано в мейнстримном жанре, имеющем стабильно высокую аудиторию. Это является причиной того, что некоторые авторы осознанно начинают свою писательскую карьеру с работ в популярном жанре, будучи ориентированными на формирование большой аудитории.

Заключение

Следует отметить, что социально-правовой анализ практик фальсификации литературных премий показывает, что «нечестное» жюри зачастую спекулирует на принципах работы символической власти, когда два типа такой власти налагаются одна на другую. Таким образом, получается, что законодательная основа конкурса подтверждает легитимность и объективность проведенного мероприятия, что несколько снижает внимание конкурсанта, пытающегося заполучить определенную премию, которая сможет в дальнейшем выступать в качестве некоего гаранта профессионального мастерства автора, способного создать коммерчески успешные произведения.

Кроме того, далеко не часто существует возможность не столько верифицировать, сколько фальсифицировать анализируемые спекуляции, поскольку решения, принимаемые организационным комитетом, могут основываться на туманной методике оценивания работ, строящейся на логической абсурдации вроде предвосхищения основания.

В дальнейшем представляется перспективным рассмотреть особенности социальной экспликации подобных «уловок» и того, как и в какой мере это может повлиять на «чистоту» и объективность организуемых литературных премий.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.92.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.92.1>

Список литературы / References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. — Москва : Издательский дом «Постум», 2015. — 240 с.
2. Бурдье П. Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60–74. — EDN OYUVRD.
3. Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. / П. Бурдье; пер. с фр.; отв. ред. Н.А. Шматко // Социология социального пространства. — Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 235 с. — EDN CAZMDY.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая) (с изм. и доп.). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.05.2024).
5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.05.2024).
6. О правилах дорожного движения: постановление Совета министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 24.05.2024).
7. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 26.05.2024).
8. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/ (дата обращения: 24.05.2024).
9. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 3-ФКЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (дата обращения: 24.05.2024).
10. Политов А.В. Теоретико-мировоззренческие основания хронотопологической концепции в контексте переосмысливания современного состояния философии и ее классических категориальных схем / А.В. Политов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2022. — № 3. — С. 379–392. — DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-441-451. — EDN MLXWIO.
11. Свечникова Н.В. Состояние и актуальные проблемы нормативного правового регулирования книгоиздательской деятельности в Российской Федерации / Н.В. Свечникова, А.В. Гурко, О.А. Костян // Пробелы в российском законодательстве. — 2024. — Т. 17. — № 8. — С. 78–88. — EDN KOPUWQ.
12. Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. — 2021. — № 8. — С. 22–32. — DOI: 10.31857/S013216250014308-1. — EDN RVGNAQ.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ): федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.05.2024).
14. CAA Statement on Conflict of Interest and Confidentiality. — URL: <https://www.collegeart.org/standards-and-guidelines/guidelines/conflict> (accessed: 12.01.2025).
15. Nobel Prize for Literature was cancelled in 2018 due to THIS controversial scandal // Republic World. — 2020. — October 8. — URL: <https://www.republicworld.com/lifestyle/books/nobel-prize-for-literature-2018-scandal> (accessed: 12.01.2025).
16. Spahr J. On Poets and Prizes / J. Spahr, S. Young // ASAP Review. — 2020. — November 11. — URL: <https://asapjournal.com/feature/on-poets-and-prizes-juliana-spahr-and-stephanie-young/> (accessed: 10.01.2025).
17. Warning Signs of a Bad Literary Contest. — URL: <https://winningwriters.com/the-best-free-literary-contests/contests-to-avoid/warning-signs-of-a-bad-literary-contest> (accessed: 10.01.2025).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baudrillard J. Simuljakry i simulacrii [Simulacra and Simulation] / J. Baudrillard; transl. from French by A. Kachalov. — Moscow : Postum Publishing House, 2015. — 240 p. [in Russian]
2. Bourdieu P. Formy kapitala [The Forms of Capital] / P. Bourdieu // Jekonomiceskaja sociologija [Economic Sociology]. — 2002. — Vol. 3. — № 5. — P. 60–74. — EDN OYUVRD. [in Russian]
3. Bourdieu P. Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticheskogo polja [The Spirit of the State: Genesis and Structure] / P. Bourdieu; transl. from French; ed. by N.A. Shmatko // Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]. — Moscow : Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg : Aleteya, 2007. — 235 p. — EDN CAZMDY. [in Russian]
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chasti pervaja, vtoraja, tret'ja i chetvertaja) (s izm. i dop.) [Civil Code of the Russian Federation (Parts One, Two, Three and Four) (as amended and supplemented)]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 24.05.2024). [in Russian]
5. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata na vserodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g.) (s izm., odobr. v hode obshherossijskogo golosovanija 1 iulja 2020 g.) [Constitution of the Russian Federation (adopted by national vote on December 12, 1993) (as amended, approved by national vote on July 1, 2020)]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 24.05.2024). [in Russian]
6. O pravilah dorozhnogo dvizhenija: postanovlenie Soveta ministrov — Pravitel'stva RF ot 23 oktjabrja 1993 g. № 1090 [On Traffic Rules: Decree of the Council of Ministers — Government of the Russian Federation No. 1090 of October 23, 1993]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (accessed: 24.05.2024). [in Russian]

7. O protivodejstvii korrupcii: federal'nyj zakon ot 25 dekabrja 2008 g. № 273-FZ [On Combating Corruption: Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed: 26.05.2024). [in Russian]
8. O statuse senatora Rossijskoj Federacii i statuse deputata Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 8 maja 1994 g. № 3-FZ [On the Status of a Senator of the Russian Federation and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Federal Law No. 3-FZ of May 8, 1994]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/ (accessed: 24.05.2024). [in Russian]
9. Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii: federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 26 fevralja 1997 g. № 3-FKZ [On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of February 26, 1997]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (accessed: 24.05.2024). [in Russian]
10. Politov A.V. Teoretiko-mirovozzrencheskie osnovaniya khronotopologicheskoy kontseptsii v kontekste pereosmysleniya sovremennoj sostoyaniya filosofii i ee klassicheskikh kategorial'nykh skhem [Theoretical and ideological foundations of the chronotopological conception in the context of rethinking the modern state of philosophy and its classical categorical schemes] / A.V. Politov // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya [Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology]. — 2022. — № 3. — P. 379–392. — DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-441-451. — EDN MLXWIO. [in Russian]
11. Svechnikova N.V. Sostoyanie i aktual'nye problemy normativnogo pravovogo regulirovaniya knigoizdatel'skoy deyatel'nosti v Rossijskoj Federatsii [The status and current problems of legal regulation of publishing activities in the Russian Federation.] / N.V. Svechnikova, A.V. Gurko, O.A. Kostyan // Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian Legislation]. — 2024. — Vol. 17. — № 8. — P. 78–88. — EDN KOPUWQ. [in Russian]
12. Tikhonova N.E. Transformatsii sotsial'noy strukturny rossijskogo obshchestva: konets 1980-kh – konets 2010-kh gg. [Transformations of the social structure of Russian society: in late 1980s – late 2010s] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. — 2021. — № 8. — P. 22–32. — DOI: 10.31857/S013216250014308-1. — EDN RVGNAQ. [in Russian]
13. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii (UK RF): federal'nyj zakon ot 13 iyunja 1996 g. № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 24.05.2024). [in Russian]
14. CAA Statement on Conflict of Interest and Confidentiality. — URL: <https://www.collegeart.org/standards-and-guidelines/guidelines/conflict> (accessed: 12.01.2025).
15. Nobel Prize for Literature was cancelled in 2018 due to THIS controversial scandal // Republic World. — 2020. — October 8. — URL: <https://www.republicworld.com/lifestyle/books/nobel-prize-for-literature-2018-scandal> (accessed: 12.01.2025).
16. Spahr J. On Poets and Prizes / J. Spahr, S. Young // ASAP Review. — 2020. — November 11. — URL: <https://asapjournal.com/feature/on-poets-and-prizes-juliana-spahr-and-stephanie-young/> (accessed: 10.01.2025).
17. Warning Signs of a Bad Literary Contest. — URL: <https://winningwriters.com/the-best-free-literary-contests/contests-to-avoid/warning-signs-of-a-bad-literary-contest> (accessed: 10.01.2025).